

Ончуков – Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1906.

Парилова, Соимонов – Былины Пудожского края / Подгот. текста, статья и примеч. Г.Н. Париловой и А.Д. Соимонова. Петрозаводск, 1941.

ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1999.

Рыбников – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909 – 1910. Т. 1 – 3.

Соколов, Чичеров – Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю.М. Соколова; Подгот. текстов, примеч. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948.

Литература

Бородулин 1979 – *Бородулин В.Я.* Основы художественного мастерства. М., 1979. Т. 2.

Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1 – 4.

Жданов 1895 – *Жданов Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895.

Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.

Исаев 2001 – *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001.

Морошкин 1867 – *Морошкин М.* Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

Новиков 2001 – *Новиков Ю.А.* Былина и книга. СПб., 2001.

Погодин 1853 – *Погодин М.* О частной жизни князей в древности до нашествия татар // Москвитянин. М., 1853. № 11. Отд. III. С. 65–96.

Пропп 1999 – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999.

Скафтымов 1994 – *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.

Срезневский 1958 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. 1 – 3. (Репринт издания: СПб., 1893 – 1912).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., 1965 – изд. продолжается.

СРЯ 1975 – Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1975. Вып. 2.

Толстой 1991 – *Толстой Н.И.* Несколько слов о новой серии и книге Г.П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 5–9.

Тупиков 1903 – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб., 1903. Т. VI.

Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Фроянов, Юдин 1997 – *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997.

Чичеров 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков. М., 1957. (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Т. 40).

Т.В. ХЛЫБОВА
(Москва)

ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Предваряя рассказ о житии и деяниях святителя, Симеон Метафраст писал: «Житие божественного отца Николая как едва ли какое другое услаждает слух, радует душу и путеводит к добродетели. Нам должно, по мере своих сил, пересказать его и представить словом (хотя оно известно большинству и знакомо) лишь одного ради, чтобы привести на память и тем усладить души, стремящиеся к добродетели» [Метафраст 1994, 140]. Пафос этого высказывания вполне оправдан: едва ли найдется другой святой, чьи авторитет и популярность у разных народов были бы так высоки. В древней русской письменности, по замечанию М.Н. Сперанского, один только перечень сказаний о нем «занимает в известной книге Н.К. Никольского "Материалы для поврежденного списка русских писателей и их сочинений" (СПб., 1906) почти сто страниц мелкой печати» [Сперанский 1921, 124]. Если обратиться к фольклорной культуре – после исследований Е.В. Аничкова и Б.А. Успенского [Аничков 1892; Успенский 1982] вряд ли стоит добавлять какие бы то ни было подтверждения незаменимости святого в разных сферах народной жизни.

В свете сказанного особенно любопытным кажется то обстоятельство, что образ Николая Чудотворца, столь значимый в русской культуре в целом, в духовной поэзии народа разработан мало и основной корпус стихов представлен по большей части образцами поздней традиции. Обратившись к самому полному собранию духовных стихов – сборнику «Калики переходные» П.А. Бессонова, обнаружим, что при наличии разнообразных сюжетов, посвященных святителю, число их вариантов невелико. Одна группа представляет собой эпические стихи:

• Святитель Никола и Василий (Чудо об Агриковом сыне Василии) – 3 варианта [Бессонов, №№ 126 – 128];

• Святитель Никола и Христофор – 1 рукописный вариант [Бессонов, № 129]¹.

¹ Мы не рассматриваем №№ 130 и 131 – сербский и болгарский тексты на другие сюжеты.

Вторая группа – стихи лирические, посвященные прославлению святителя, в сборнике они значатся под №№ 183 – 194. Нужно отметить и иные сюжеты из сборника «Калики перехожие», где упоминается имя святого, – стихи о Егории и царевне, о Вознесении.

Варианты стихов о свт. Николае можно найти и в собраниях П.В. Киреевского, В.Г. Варенцова, Н.Е. Ончукова, А.Н. Соболева, О.Э. Озаровской, В.Н. Добровольского, П.В. Шейна, других сборниках и публикациях. В современной поэзии тоже существует ряд сюжетов о нем.

В задачи данной статьи входит определение функционально-семантических особенностей образа Угодника Божия Николая Чудотворца в народной духовной поэзии и попытка выяснить причины позднего проникновения никольской темы в стихи.

Стих о Николае и Василии² восходит к «Чуду об Агриковом сыне Василии». Оно включено в самый ранний из известных у нас списков сказаний о чудесах, посвященных святителю, – в Торжественник XII в. [Срезневский 1867, 19] и было широко известно в древнерусской письменности и иконографии³. Из двадцати рассмотренных М.С. Крутовой списков выделяемого ею I типа житий «Чудо об Агриковом сыне» добавлялось к тринадцати [Крутова 1997, 123–125]. И.И. Срезневский считал, что стих был создан по списку Сказания в Торжественнике, а не по переделанному проложному варианту [Срезневский 1867, 22]. Влияние на сложение стиха могли оказать и соответствующие клейма житийных икон святителя. Первые иконы с клеймами об избавлении Василия исследователи датируют началом XIV в. (возможно, рубеж XIII – XIV вв.) [Антонова, Мневя 1963, 78–79 (№ 13), 205 (№ 164) и др.]. Этот сюжет весьма устойчив в житийной иконографии св. Николая.

² Известны следующие 8 вариантов стиха: 3 уже упомянутые выше у П.А. Бессонова, из них № 127 (зап. Якушкина) опубликован и в т. I «Собрания народных песен П.В. Киреевского» [Киреевский – Якушкин 1, 229–231 (№ 498)]; 2 варианта – у В.Г. Варенцова [Варенцов, 86–90, 90–94] – они даны и как разночтения в сборнике Бессонова к №№ 127 и 128; 1 вариант в самом раннем сборнике духовных стихов П.В. Киреевского [Киреевский, 18–20 (№ 5)] (не рассмотренный нами, поскольку это так называемый «сводный» текст); 2 текста – у Н.Е. Ончукова [Ончуков, №№ 9, 10]. Стихи записаны на Печоре (Усть-Цилемская волость), в Петрозаводской, Рязанской, Симбирской, Вятской губ. – география стиха, таким образом, разнообразна.

³ «Это чудо в русской и, шире, славянской письменности является одним из самых известных» [Макеева 2004, 173].

В стихе действие происходит в славном граде Антиохее [Бессонов, № 126; Ончуков, № 9], Антиофеи [Бессонов, № 127], Тинфире [Варенцов, 90], Тифлисе [Бессонов, № 128; Варенцов, 86]. (В книжной легенде место действия – около Мир Ликийских). Агрик (греч. *αγροκος* – сельский, деревенский; Аврик, Аглик, Гаврик), «веровавший во святителя Миколу»⁴, посылает в храм своего сына Василия, откуда его похищают «срачинские люди» [Бессонов, № 126], в то время как Василий молит св. Николая «сохранить от беды от напасти» [Бессонов, № 127]. Узнав об этом, «Агрик на Миколу да осердился» [Ончуков, № 9], «не стал веровать во святителя» [Бессонов, № 126] и три года в храм не ходил. «Сродники-знакомые» уговорили его пойти помолиться, поскольку «Микола святитель Богом силен» и может вызволить сына из плена. Что и происходит:

...небесная сила

Разрушила белы каменны палаты,
Святым духом Василья подымала
[Бессонов, № 127]

и с чарой и склянницей вина (Василий был виночерпием у сарацинского князя) перенесла в родной дом, где его встречают отец с матерью. Родители готовят много «сладкого канона», кормят-поят множество нищих за спасение св. Николаем любимого сына. По просьбе Агрика в дом вносят икону и служат молебен святителю. Стих заканчивается славой Господу, Николаю Чудотворцу и Агрикову сыну Василию.

И.И. Срезневский обратил внимание на те расхождения, которые возникают в стихе по сравнению с текстом Сказания [Срезневский 1867]. Речь, в частности, идет о «трех долях», на которые был разделен «палон». Исследователь полагает, что это вряд ли изобретение слагателя стиха, поскольку в стихе о попе Христофоре присутствует тот же мотив. Заметим, что на «три доли» делит князь Владимир Россию для своих детей в стихе о Борисе и Глебе [Бессонов, №№ 141, 144]⁵. Думается, перед нами привычный для фольклора прием использования числа три для выделения героя. Еще одно отличие: в Сказании Василий держал в руке только склянницу, а в стихе еще и зо-

⁴ В системе народной религиозности «"веровать" ... значит чтить или даже праздновать имя святого» [Федотов 1991, 60].

⁵ В рукописных стихах «на три части» [Бессонов, №№ 147–152].

лотую чару⁶. Возможно, эта деталь была продиктована иконографией Чуда: составитель стиха видел изображенного в клейме юношу, держащего в руке сосуд, который был воспринят как чара, – склянница же осталась как дань книжному тексту⁷. Все остальные изменения столь же незначительны. Это обстоятельство, наряду с явными лексическими заимствованиями, свидетельствует о зависимости стиха от Сказания – одного из поздних списков⁸, который выглядит как сокращенный его пересказ («перевод») [Срезневский 1867, 21].

В стихе святитель представлен как чудотворец, спаситель из плена. Любопытно отметить, что Василий обращается за помощью к св. Николе, а переносит его в родной дом «небесная сила», «святой дух», недаром Никола Угодник «*Богам силен*» [Бессонов, №№ 126, 128; Ончуков, № 9], тот же мотив находим и в другом николаевском сюжете [Ончуков, № 11]. Г.П. Федотов заметил по этому поводу: «Святой, очевидно, изъемлетса из общего круга небесных сил и поставляется в непосредственную близость к Богу. Вера в него означает самую суть христианской веры вообще» [Федотов 1991, 60].

Народная попытка отождествить св. Николая с Богом неоднократно отмечалась исследователями – Г.П. Федотовым на примере духовных стихов, Б.А. Успенский рассматривал

⁶ В варианте [Ончуков, № 10] несколько по-иному:

*Во руке держит да нынче скляну,
 Во левой-то поднос держит залоченой,
 На подносе три цыры да золотья,
 Кабы полно напиток да налитья,
 Да не сколькё те цыры да не слытыя.*

⁷ Слово «чара» часто встречается в поэтическом языке фольклора (например, в былинах) в описании пира: «Он наливает цыру (зелена вина). Не велику, ни малу – в полтора ведра» [Григорьев, 428 (№ 137)], «Опущал он чару в полтора ведра» [Кирша Данилов, 96 (№ 10)], «И поднесли ему, Илье, чару зелена вина в полтора ведра» [Кирша Данилов, 304 (№ 49)]. «Или тебя чарой обнесли?» – обычная формула вопроса о причинах печали возвратившегося с пира героя («Стальнички тебя чарой обнесли» [Григорьев, 183 (№ 39)]; «Не дошла ль тебе чара зелена вина?» [Гуляев, 53 (№ 4)]). Учитывая то, что Василий был в плену виночерпием, т.е. имел отношение к пиру, иконографический зрительный образ мог вызывать соответствующие фольклорные ассоциации.

По мнению П.А. Бессонова, стиху об Агриковом сыне Василии у сербов соответствует стих о спасенном воеводе Тодоре, где эта деталь встречается, а «чаша, которую держал в руках Василий, является и тут как заздравная чаша в честь святого» [Бессонов, 763].

⁸ Тех, в которых слова *ближник* и *сърдоболя* заменены словом *сродник* [Срезневский 1867, 22].

с этой точки зрения разные фольклорные жанры: духовные стихи, причитания, заговоры, свадебные песни, колядки и др. [Успенский 1982]. В самых разнообразных фольклорных текстах святитель сопоставляется с Христом и Богородицей. В духовных стихах о Егории и царевне св. Микола наряду с Богородицей и Троицей или Господом Роспьятым и Егорием может упоминаться дважды – в молитве царевны перед выходом из дома:

*Снаряжалась девица в черны платьеца,
 В черны платьеца опальныя,
 Помолилась девица Микола да Троицы,
 Пресвятой Богородицы...
 [Бессонов, № 117] –*

и в приказе царевны построить три церкви:

*Поставьте-тко три церкви, три соборныя:
 Перву-ту церкву самому Христу,
 Самому Христу да Господу Роспьятому,
 Другую-ту церкву Миколаю Милостиву
 (выделено мной. – Т.Х.),
 А третью-ту церкву Егорью Храброму
 [Бессонов, № 119].*

Б.А. Успенский, отмечая сочетания в текстах имени св. Николая с наименованиями Господа (Троицы) и Богородицы, указывает на соответствие их объединению в деисусном иконном изображении [Успенский 1982, 7, 15–16]. Следует, по-видимому, вспомнить еще об одном распространенном иконографическом типе Николая Угодника, когда он изображается со Спасом и Богоматерью, вручающими ему Евангелие и омофор⁹ (например, икона Новгородской школы XIV в. [Антонова, Мнева 1963, 91 (№ 21)]; икона Псковской школы XIV в. [Там же, 187 (№ 145)]; икона Ростово-Суздальской школы второй половины XV в. [Там же, 227 (№ 190)] и др.).

К Николаю Чудотворцу обращаются о спасении «от беды от напастн», «от напраслянья смерти» [Бессонов, №№ 127, 128], «от напрасныя / напрасною смерти» [Варенцов, 87, 91]¹⁰. Эпитет «напраслянная» может быть

⁹ Сюжет восходит к так называемому никейскому Чуду: по преданию св. Николаю явились Христос и Дева Мария и вручили ему знаки епископского достоинства – омофор и Евангелие.

¹⁰ В стихах о Страстях Христовых *напрасная* смерть, по-видимому, преждевременная или несправедливая («Напрасную смерть тебе воспредали» [Бессонов, № 376], «Почто пошел волей на напрасную смерть?» [Бессонов, № 382]). В «Белорусском сборнике» Е.Р. Романова в «молитве» за здоровье Миколу просят спасти «от наглыя» смерти [Романов, 415 (№ 10)].

истолкован двояко. Во-первых, *напраслиная* соотносится с *напраслиной*, т.е. напрасным обвинением, клеветой, наговором [Даль 1985, 454]. Св. Николай в соответствии с Житием – защитник и спаситель невинных, несправедливо, *напраслино* осужденных. Во-вторых, очевидна семантика «напрасной смерти», т.е. смерти без подготовки, без покаяния, неожиданной, внезапной [Дьяченко 1993, 1054].

Функция святого – спасение от *напрасны* смерти – выделяется в разных стихах. Так, в стихе о Николе Угоднике и Христофоре священик Христофор, попав в плен, непрестанно взывает к святителю: *«Избави мя от меча, о святой отче, От напрасны смерти, чудотворче!»* [Бессонов, № 129]. В стихе о Вознесении (нищенском стихе) Иоанн Златоуст говорит о нищих:

*Спаси, Господь, и памилуй,
Пресвятая Богородиця,
Миколай чудотворец,
Христианской заступник,
Их на многая лета,
<...>*

От напрасные смерти (выделено мной. – Т.Х.),

*От злого, лихого целовека,
От неверного языка
Спаси, Господь, и памилуй*
[Истомин, Ляпунов, № 1].

Здесь св. Николай выступает покровителем нищих. Особое отношение святителя к обездоленным передано и в одном из стихов, записанных А.Н. Соболевым, в котором нищие просят о помощи не у Христа, а у «*кормителя-поителя*» Микола Христова:

*Эх, да святитель наш Микола Христов,
Эх, кормитель-поитель нищей братии,
Эх, сойди с небесных высот
На сыру нашу землю грешную!
Ты снеси-ка нам подаianie
Чрез добра раба хрестиянина!*

Они просят Миколу уговорить Христа даровать кормилицу-крестьянину чертогов в раю светлом, а на земле – помощи в работушке. В ответ св. Николай посылает нищим

*Милосердного приютителя,
Хрестиянина-покормителя*
[Соболев, 35].

Крестьянским дочерям он дает мужей добрых, а самого крестьянина наделяет казной и доброй славой. Таким образом, Николай Угодник

в стихах объявляется не только покровителем нищих, но и сословным крестьянским святым.

Попытку социальной атрибуции свт. Николая как мужицкого заступника, святого «из простых» можно усмотреть в стихе про Николу Мокрушу¹¹. В нем реализован довольно известный сюжет о святых Николе и Касьяне, восходящий к книжной легенде о Касьяне-Феостирике¹². На вопрос Касьяна, встретившего Николу на зимней дороге: *«Где обмочился? Где огрязился?»* – святой ответил, что вытаскивал из моря корабль с людьми за обещанную *«денежну свечу»*. Когда же Касьян замечает, что не стал бы этого делать и *«за рублеву»*, Никола напоминает: *«Тебе, Касьяну... / В три года обедня, / И ты без малебна! / А мне, Николе, / Два праздника в год, / Малебнов часто, / А свеч завсегда»*.

Итак, эпические и лиро-эпические стихи указывают на близость *«Микола Христова»* Богу, его особое положение в небесной иерархии, его функцию спасителя от плена, от внезапной, преждевременной смерти, от несправедливого осуждения, воспевают его как покровителя нищих и крестьян.

Традицию восхваления святителя продолжают более поздние лирические стихи, стихи-славления. В большинстве своем это тексты из рукописных сборников, хотя есть и варианты устной фиксации.

Вопрос об уместности рассмотрения рукописных текстов для исследования фольклорной традиции, реализованной в *устной* форме, касается весьма актуальной проблемы постепенного изменения форм манифестации фольклора и предметного поля соответствующей науки. В последнее время в сферу интересов фольклористов активно входят письменные формы – такие, как альбомы (школьные, девичьи, солдатские, тюремные), песенники, дневники. Письменная фиксация – одна из особенностей бытования духовных стихов, известная с давних пор. Современные тетради православных с записями стихов, кантов, молитв, заговоров, рассказов из жизни святых и апокрифических сказаний, маршрутов паломнических поездок и рецептов куличей –

¹¹ Стих записан в 1854 г. священником Богородицким от слепых в Вязниковском у. Владимирской губ., хранится в архивах РГО. Опубликовано: [Назаревский 1963, 71].

¹² А.А. Назаревский сопоставил разные редакции книжного «Чуда Николы о царе Синагриле» со стихом и пришел к выводу, что содержание отрывков из него «буквально втиснуто» [Назаревский 1963, 72] в строчки стиха.

лишь продолжение той традиции, которая восходит к рукописным сборникам XVII – XVIII вв. В создании последних часто принимали участие профессионалы или полупрофессионалы, тесно связанные с монастырской и церковной средой. Духовные стихи, включавшиеся в эти сборники, являлись продуктом индивидуального творчества литературно одаренных представителей этой среды. Далеко не все опыты стихотворчества входили в устную традицию, большая их часть служила целям благочестивого чтения. Для нашей задачи – выяснения функционально-семантических особенностей образа святителя – эти стихи тоже имеют значение.

Стих «Како возможем достойно хвалити...» [Бессонов, № 183] из рукописи В.М. Ундольского¹³ явно монастырского происхождения. В нем речь ведется от имени монахов:

*Архиереом отец и начальник,
Нам же монахом ты добрый наставник...*

По-видимому, он связан с похвальными словами св. Николаю (например, похвальное слово из Торжественника XVI в. «Како возможем по достойно похвалити тя, Святителю Христоу Николае...») [Крутова 1997, 178]). В стихе перечислены заслуги святителя – он скорый помощник и заступник в бедах и несчастьях, опора нищих («Милостив, отче, ты нищим был еси»). В заслугу святителю вменяется избавление от смерти («Многих от смерти ты избавлял еси»), сокрушение «требищ идалов», борьба с ересью, сохранение Божьего слова, приведение к истине неверующих и т.д. Св. Николай – «раб верный» Господа Бога. Однако в других стихах вновь подчеркивается близость отца Николая Господу. Так, в № 184¹⁴ упоминается никейское чудо – св. Николаю «Евангелие Спаситель дарова», а «Пречистая омофор поручи». В № 185 встречаем привычное для никольской темы сопоставление святого и Бога:

¹³ В рукописях Ундольского два списка: в РО РГБ они значатся под ф. 310, № 897, л. 25 (по мнению В.Н. Перетца, рукопись с этим стихом составлена какой-то монахиней в конце XVII – начале XVIII в. [Перетц 1911, 49]; А.В. Позднеев полагал, что сборник появился в духовных кругах около 1700 г. [Позднеев, 18]) и ф. 310, № 898, л. 14 (составление этого Сборника псалм и кантов А.В. Позднеев относил к 1720 – 1730 гг. [Позднеев, 9]).

¹⁴ В рукописях Ундольского три списка: в РО РГБ значатся под номерами: ф. 310, № 897, л. 17; ф. 310, № 898, л. 16; ф. 310, № 1073, л. 24 об. (из сборника старообрядческой духовной поэзии XVIII в.).

Николае <...>

*Просим мы тя днесь вси отца,
Молим Христа Бога Творца...*

То же в стихе из сборника «Духовные и торжественные псалмы» Я. Добрынина:

*Николае святителю,
Мирликийский учителю!
Христе царю! Будь всегда с нами,
Просим тя со слезами...
[Бессонов, № 188].*

В некоторых устных стихах святительский образ иной. Так, в сюжете «Марко Богатый», приводимом Н.П. Глухаревым, св. Николай назван среди «Господней прислуги»:

*А по левую сторонушку
Стоит Господня прислуга:
Миколай то Угодник
И Гаврила Благовестила, <...>
Семийн то Богоприемец
[Глухарев, № 67] –*

ср. в белорусских стихах-молитвах:

Свет Миколушка умоляющий (выделено мной. – Т.Х.),
*Ён скорый, свет, памощник,
Христяньский к Богу заступник
[Романов, 415 (№ 10), 418–420 (№№ 12–14, 16–17)].*

Все стихи из рукописных сборников построены по одному принципу – перечисляются многочисленные достоинства и благодеяния святителя, поется ему слава и возносится молитвенное прошение: «Николае, помилуй нас» [Бессонов, № 185] или «Святый чудотворче и преблаженнейший, / Непрестанно буди всем в помощь скорейший!» [Бессонов, № 186]. Язык этих стихов книжный, церковнославянский, синтаксис достаточно сложный. В силу этого они практически не имели устного хождения¹⁵. Исключением является кант «Где то

¹⁵ Записывавший стихи в Могилевской и Витебской губ. Е.Р. Романов указывал на распространение искусственных виршей религиозного характера, переложения псалмов, стихов, переведенных с польского. Он отмечал, что стихи эти «чужды народу по языку – крайне тяжелому и испещренному славянизмами и полонизмами, – по складу и по содержанию» [Романов, 443]. Стихи, приуроченные к празднованию св. Николая, перечислены Е.Р. Романовым, они в основном из рукописных источников: «Православный чудодзея...», «А хто, хто Микалая любить...», «Дивный в делех святитель...», «Большаго нету на земле трону...», «Хто хочешь мець

Николая любит...» [Бессонов, № 189 (из рукописи В.М. Ундольского)]¹⁶. У него три устных варианта, записанных в Могилевской, Орловской губ., и русский текст из Сербии [Бессонов, №№ 191–193]; опубликован еще один устный вариант из Орловской губ. [Добровольский, 335].

Давно отмечена тенденция духовных стихов перемещать действие на Русь. Так, в стихе о Егории Храбром герой после сидения в погребах выходит на Русь и просит у матери благословения поехать «по всей земли Святорусския». Великомученик Дмитрий Солунский в духовном стихе – победитель Мамаю и освободитель русских полонянок и т.д. Свт. Николай в народной культуре осознается как русский Бог. В стихе эта идея по-своему представлена. Исполнитель прекрасно осведомлен о Мирах Ликийских и Барграде, но помнит и о тех чудесах, которые происходят именем святителя на русской земле:

*Светитель, отец ты наш Микола,
Миракритской Чудотворец,
Опочивают твои мощи
В славном ти Барграде,
В неверной страны в немцах,
Во земли в турской,*

саве за патрона...». Переходный случай от книжных стихов к устным вариантам – тексты о св. Николае, исполнявшиеся «братчиками», членами церковного братства, в Витебской губ. [Шейн 1874, №№ 745–747]. Исследователи отмечали униатское и католическое влияние на поэзию «братчиков» [Шейн 1874, 385]. Однако выявить результаты этого влияния в никольской поэзии нельзя, стоит говорить о наличии в текстах полонизмов. К святителю обращаются как к патрону, защитнику в дороге и на море, помощнику в борьбе с врагами, с бесовскими силами, избавителю от вечных мук.

¹⁶ В собрании Ундольского несколько списков (Унд. ф. 310, № 897, л. 10; № 900, л. 31; № 1341, л. 29). В «Указателе произведений о святителе Николае» М.С. Крутовой упоминается еще семь списков [Крутова 1997, 182]. Два варианта стиха содержат сборники песен (кантов) из Тверского архива (см. об этом: [Гадалова 2004, 216–217]), неполный текст стиха из рукописи библиотеки Казанского ун-та приводит В.Г. Варенцов [Варенцов, 207]. Стих, по-видимому, хорошо известен и в белорусской традиции: в разные издания его включил П.В. Шейн [Шейн 1874, 409 (№ 747); Шейн 1893, 663–664 (№ 51)], о существовании стиха в рукописи упоминал и Е.Р. Романов [Романов, 447]. На широкое его распространение в устных и письменных формах указывал еще П.А. Бессонов [Бессонов, 757]. Особую популярность этого стиха в XVIII в. отмечал А.В. Позднеев, исследовавший рукописные песенные сборники [Позднеев, 18].

*Твои велики чудеса
У нас на святой Руси
[Ончуков, № 8; аналог. № 11]¹⁷.*

Здесь св. Николай – заступник перед Богом, защитник от врагов, помощник заблудившимся в лесу и сидящим в тюрьме, исцелитель болящих.

Современные образцы никольской духовной поэзии представлены в сборнике Е.А. Бучилиной «Духовные стихи. Канты», составленном по материалам экспедиций 1992 – 1997 гг. в Нижегородской обл. Стих Николе Святителю под № 80 – из рукописной старообрядческой тетрадки 1940 – 1950-х гг. – образец поздней традиции составления стихов по Житию святого¹⁸. Здесь соблюдены многие житийные каноны, упоминаются все этапы жизни святителя: его рождение от «преблаженного сопряженья» Феодана и Ноны¹⁹, его младенческое постничество, научение книжной мудрости, избрание в священнический чин, вручение сана святителя, истребление идольских храмов, воздвижение христовой церкви, борьба с Арием, осуждение за удар Ария в ланиту, лишение чина, вручение омофора и Евангелия Христом и Богородицею, многочисленные чудеса святого и т.д. Николай – избавитель от врагов, помощник скорый, заступник теплый, защитник невинных, оклеветанных, надежда осужденных на смерть, проводник через воздушные мытарства.

Кант Николаю Угоднику:

*Ах, любезный наш обитель
Как прекрасный Божий рай,
Насадил тебя святитель
Чудотворец Николай
[Бучилина, № 81]²⁰–*

очень популярен и в среде старообрядцев, и у великорусских исполнителей. Речь в стихе ведется от имени иноков, которые прославляют Николая Угодника за создание монастыря и

¹⁷ Аналогичный стих в рукописном варианте – в РО РГБ Муз-9371. В устном варианте он записан О.Э. Озаровской от М.Д. Кривополеновой [Озаровская, 81].

¹⁸ В Указателе М.С. Крутовой значатся еще два списка стиха: Ег-989, л. 56 об. – 61 об.; Залк.-36, с. 172–182 [Крутова 1997, 207].

¹⁹ Имена родителей, по мнению исследователей, заимствованы из жития другого святителя – Николая Пинарского и входили в довольно распространенный на Руси «смешанный» вариант жития Николая Мирликийского. Об этом см.: [Антонин 1869; 1873].

²⁰ Еще один опубликованный вариант см.: [Селиванов, 513 (№ 9)].

собрание в него «из далеких стран овец». По мнению Е.А. Бучилиной, свт. Николаю приписываются не свойственные ему функции распространения монашества и борьбы с сатаной («Его меч в руках горящих пресекает сатану»), что свидетельствует о позднем создании стиха [Бучилина, 221]. Святитель – помощник в горе, проводник по воздушным мытарствам («Чудотворец Николай, по воздушным мытарствам руку помощь мне подай» [Бучилина, № 81])²¹. Исследователи фиксировали сходные функции «начальника рая» и «водителя душ» в загробный мир у русского Николы и св. Михаила [Успенский 1982, 25–29]. Нужно отметить, что тема смерти, загробной жизни в поздних духовных стихах становится ведущей, неудивительна поэтому актуализация этих представлений в книжных по происхождению текстах.

Самым популярным и повсеместно известным до настоящего времени является стих Николаю Чудотворцу «Прошу тебя, угодник Божий, / Святой великий Николай, / В житейском море утопаю, / Ты руку помощи подай» [Бучилина, № 82]. Метафорически обыгранный образ несчастной, тонущей в житейском море, выдает знакомство составителя с приемами литературной эстетики. Угодник Божий Николай здесь – чудотворец, помощник в скорбях, заступник грешников перед Богом.

Особое место в религиозной поэзии занимают сектантские стихи. Образ свт. Николая используется в соответствующих сюжетах. На первый взгляд, никаких особых, специфических черт эти стихи не содержат: у хлыстов св. Николай объявляется богомольцем за людей, славнейшим чудотворцем, он приводит души усопших к Господу – другими словами, используются известные мотивы. Однако, по объяснению составителей сборника песен сектантов-мистиков, стихи («песни») о святителе

²¹ В варианте недавней записи вместо улетающего ангела грешную душу встречает св. Николай. На просьбы души о спасении он отвечает ей просьбой «сродников» помолиться за нее:

*Обступила грозная сила, встретела бедная:
«Ты куда-та делася, ангел?» – беззащитная
была.*

*Да я направо поглядела, стоит великий
Николай (выделено мной. – Т.Х.).
«Уж ты, Отче, наш Спаситель, спаси,
грешную, меня». –
«Не плаче, душа, ты, а смирися, проси
сродников своих,
Чтобы Богу помалились об твоей грешной
душе»*

[Фадеева, 431 (№ 726)].

имеют отношение к Федору Данилову (сыну основателя хлыстовства Данилы Филиппова), которого «отец пожаловал в Николин образ. Хлысты поэтому, смотря на икону св. Николая, воображают сына Данилы – Федора» [Рождественский, Успенский, 249]. В песнях скопцов о Николае Чудотворце присутствуют элементы, кажущиеся явными анахронизмами:

*Николай-то чудотворец
Чудеса он тут творил,
Седьмо небо отворил,
Ко Христу часто ходил,
Христа на крест снарядил* (выделено мной. – Т.Х.)
[Рождественский, Успенский, № 172].

Однако и здесь нужно учитывать особый, аллегорический язык этих творений: Христом у скопцов назывались люди, достигшие благодаря своей жизни обожествления, поэтому общение отца Николая с Христом вполне объяснимо.

Итак, в зависимости от специализации исполнителей, от среды и времени создания и распространения сюжета меняются характеристики стиха (эпические, лиро-эпические, лирические) и функции образа святителя. Общей мощной традиции прославления святителя Николая не сложилось. Эпические стихи о святом создавались в период активного бытования жанра баллады, когда балладная эстетика, балладная поэтика, соответствующие драматически, психологически напряженные сюжеты главным образом семейного, личного плана вдохновляли и волновали слагателей²². В присовокупленных к Житию святителя чудесах, по-видимому, только Чудо об Агриковом сыне соответствовало балладным настроениям – оно и стало основой сюжета соответствующего стиха.

В системе народного православия, народной религиозности духовные стихи играют проповедническую, просветительскую роль. Так, святой Егорий в народной культуре – охранитель скотины, повелитель волков, он отмыкает землю, пускает росу и т.д. Стих же рассказывает о нем как о мученике и распространителе христианства на Руси. Св. братья Борис и Глеб – громовники. В стихе, посвященном им, – страстотерпцы, принявшие смерть, но не погубившие души. Что касается святительского образа в народной культуре, то он настолько многогранен и всеохватен (см.: [Успенский 1982; Агалкина 2004; Валенцова, Узе-

²² О соотношении баллады и духовного стиха см.: [Хлыбова 2001; 2004, 14–16].

нёва 2004; Белова 2004 и др.]), сказано и известно о святителе столько, что на долю духовной поэзии выпадает только выражение чувств восторга и умиления. Это и происходит в соответствующих лирических стихах – ничего принципиально нового духовные стихи в систему народных взглядов о Николае Угоднике не приносят.

Сюжет об Агриковом сыне (а он, по сути дела, единственный представляет эпические стихи) поздний. Об этом свидетельствуют как ограниченное количество вариантов, так и стилистика его особенности – зависимость от книги, сходство не с былинной, а с балладой, наличие славянизмов. Стих о Николае Чудотворце и попе Христофоре, известный в одном варианте, еще более поздний (возможно, XVIII в.), о чем свидетельствует «искусственная» форма – силлабика и глагольная рифма (см. об этом: [Сперанский 1917, 377]). Отсутствие мощной эпической традиции, связанной с именем Николая Угодника (при наличии повсеместной распространенности текстов о Егории Георгии (два сюжета) и существовании стихов о Федоре Тироне, не таком известном святом, каким был Николай), приводит к мысли о зависимости ее от «социального статуса» святого и положения и роли создателей этого рода поэзии – калик переходных – на раннем этапе их существования. В той специфической обстановке, в какой находилась на Руси церковь начального периода, когда христианская вера утверждалась и распространялась от социальных верхов в народную массу, логично обнаруживать поддержку каликами переходными (особой социальной группой) власть предрержащих – сторонников нового мировоззрения. Отсюда – популярность стихов о святых Георгии и Федоре, тезоименных многим русским князьям (эти христианские имена были весьма распространены в княжеской среде). Как неоднократно отмечалось исследователями, «св. Никола Мирликийский был специфически *крестьянским* (выделено мной. – Т.Х.) святым, среди русских верхов это имя встречалось крайне редко» [Мурынов 1967 / 68, 89; см. об этом также: Аничков 1892, 22–23; Назаревский 1963, 18–19; Успенский 1982, 55]. Итак, «социальные» причины поэтического вдохновения относительно образа св. Николая у калик отсутствовали. Не было и провоцирующих создание фольклорного текста мотивов в его житии, таких как мотив змеборчества в житии Федора Тирона и соответствующем героическом Чуде.

Почитание святителя, в том числе в великокняжеской семье, усиливается в XVI в.: стро-

ится большое количество посвященных ему храмов, местночтимые николаевские иконы становятся общерусскими, появляется новый праздник – Рождества Николая [Саенкова 2002, 85–86]. Можно предположить, что именно в эту эпоху, когда ведущим жанром являлась баллада, и началось сложение стиха об Агрике и его сыне Василии²².

Стихи из рукописных сборников (датируются XVII – XIX вв.) составлялись в ученой (скорее всего монастырской) среде. М.Н. Сперанский указывал на их «позднее и южнорусское происхождение» [Сперанский 1917, 378]. Не многие из них по указанным выше причинам входили в устную традицию.

Ситуация резко меняется в XIX в. Во-первых, Николай Чудотворец становится святым-патроном русского царя, что не могло не привлечь дополнительного внимания к фигуре святителя. Во-вторых, значительное воздействие на религиозную поэзию оказала новая литературная эстетика – силлабо-тонические тексты, ориентированные на нормы русского, а не церковнославянского языка, были понятнее и легче запоминались. В-третьих, доступность печатного слова, возможность быстрого тиражирования текстов создали благоприятные условия для распространения стихов, в том числе и старых, в составе сборников, учебных пособий, хрестоматий. Новые стихи о святителе быстро заняли свое место в репертуаре носителей этого рода поэзии.

Источники

Бессонов – Калики переходные. Сб. стихов и исследование П.А. Бессонова. М., 1861 – 1864.

Бучилина – Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, исслед. и коммент. Е.А. Бучилиной. М., 1999.

Варенцов – Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.

Глухарев – Глухарев Н.П. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Боровск, 1913. Т. I. С. 57–73.

Григорьев – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899 – 1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. СПб., 2002.

Гуляев – Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С.И. Гуляева. Новосибирск, 1939.

Добровольский – Добровольский В.Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып. 3 – 4. С. 290–414.

²² М.Н. Сперанский полагал, что «точно приурочить его (стих. – Т.Х.) не представляется возможным, потому что источники его очень древни» [Сперанский 1917, 378].

Истомин, Ляпунов – *Истомин Ф.М., Ляпунов С.М.* Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб., 1899.

Киреевский – Русские народные стихи. М., 1848.

Киреевский – Якушкин I – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. Л., 1983. Т. 1.

Кириша Данилов – Древние российские стихотворения, собранные Киришено Даниловым. СПб., 2000.

Озаровская – *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. М., 1922.

Ончуков – *Ончуков Н.Е.* Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 2. Отд. II. С. 51–54; Вып 3. Отд. II. С. 73–82.

Рождественский, Успенский – *Рождественский Т.С., Успенский М.И.* Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912.

Романов – *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. V. №№ 19–21.

Селиванов – Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова; Прилож. и послесл. А.В. Кулагина. М., 2004.

Соболев – *Соболев А.Н.* Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914. Кн. 16. С. 1–40; нот.

Фадеева – Религиозные стихи / Публ. Л.В. Фадеевой // Традиционная культура Гороховецкого края. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 367–440, 575–584.

Шейн 1874 – *Шейн П.В.* Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПб., 1874.

Шейн 1893 – *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. СПб., 1893. Т. II.

Литература

Агапкина 2004 – *Агапкина Т.А.* Никола вешний // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 394–396.

Аничков 1892 – *Аничков Е.В.* Микола Угодник и св. Николай. СПб., 1892.

Антонин 1869 – *Антонин (Капустин), архим.* Святой Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1869. Т. II, № 6. С. 445–497.

Антонин 1873 – *Антонин (Капустин), архим.* Еще о свят. Николае Мирликийском // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1873. Т. IV, № 12. С. 241–288.

Антонова, Мнева 1963 – *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. I: XI – начало XVI в. М., 1963.

Белова 2004 – *Белова О.В.* Николай // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 398–401.

Валенцова, Узенёва 2004 – *Валенцова М.М., Узенёва Е.С.* Никола зимний // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 396–398.

Гадалова 2004 – *Гадалова Г.С.* Рукописные памятники о Николае Чудотворце в хранилищах Твери // Правило веры и образ кротости... Образ святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в ви-

зантийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 197–221.

Даль 1985 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1985. Т. II.

Дьяченко 1993 – *Дьяченко Григорий.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.

Крутовца 1997 – *Крутова М.С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

Макеева 2004 – *Макеева И.И.* Ранние славянские чудеса святителя Николая Мирликийского // Правило веры и образ кротости... Образ святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 167–181.

Метафраст 1994 – *Симеон Метафраст.* Жизнь и деяния святого отца нашего Николая // Византийские легенды. М., 1994. С. 140–155.

Мурьянов 1967/68 – *Мурьянов М.Ф.* Святоша Никола // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Graz-Wien-Köln, 1967/68. Bd. 14. S. 88–93.

Назаревский 1963 – *Назаревский А.А.* Из истории русско-украинских литературных связей: Старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором. Киев: Киевский гос. ун-т, 1963.

Перец 1911 – *Перец В.Н.* Новые труды по источникам древнерусской литературы и палеографии. II серия. XXVI – XXXII. Киев, 1911.

Позднеев – *Позднеев А.В.* Рукописные сборники песен в собраниях отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М.: РО РГБ (Машинопись).

Саенкова 2002 – *Саенкова Е.М.* Сцены детства в житийных иконах святителя Николая и праздник его рождения 29 июля // Искусство христианского мира. Сб. ст. М., 2002. Вып. 6. С. 81–88.

Сперанский 1917 – *Сперанский М.Н.* Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. М., 1917.

Сперанский 1921 – *Сперанский М.Н.* Международной странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая // Известия ОРЯС РАН. Т. XXX. 1921. С. 124–142.

Срезневский 1867 – Сказания о святителе Николае сравнительно с духовными стихами / Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. I – XL. СПб., 1867. Вып. 4. С. 19–29.

Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Хлыбова 2001 – *Хлыбова Т.В.* Народная баллада и духовный стих. Пути развития традиции // Материалы Ежегодной Богословской Конференции. М., 2001. С. 335–340.

Хлыбова 2004 – *Хлыбова Т.В.* Жанровые особенности духовных стихов // Восьмые международные Виноградовские чтения. Проблемы истории и теории литературы и фольклора. Мат. конф. 23 – 25 марта 2004 г. М., 2004. С. 9–19.

Сокращения

РО РГБ – рукописный отдел Российской государственной библиотеки.